

Д. ДОНЦОВА, А. И С. ЛИТВИНОВЫ,
Е. ГОРСКАЯ и ДРУГИЕ

Она, она и пушистый
Детектив

🐾 РАССКАЗЫ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ 🐾

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-58

Оформление серии *Г. Булгаковой*

Он, она и пушистый детектив : рассказы современных писателей / Дарья Донцова, Анна и Сергей Литвиновы, Евгения Горская и др. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Кошки правят миром).

ISBN 978-5-699-89917-3

Сколько радости нам приносят любимые домашние животные! Они могут выслушать, утешить, составить компанию... и даже помочь расследовать запутанную историю! Именно это происходит в остро сюжетных рассказах из нового сборника «Он, она и пушистый детектив». В них лохматые и хвостатые четвероногие любимцы, как могут, помогают своим хозяевам не только обнаружить криминальную тайну, но и найти свою любовь и счастье! Признанные мастера детектива Дарья Донцова, Анна и Сергей Литвиновы и их талантливые коллеги раскрываются в этом сборнике с новой стороны. Перед вами добрая, лиричная и увлекательная книга.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Донцова Д., Литвиновы А. и С.,
Горская Е., Сафонов К.,
Вербинина В., Юрьева В.,
Зарецкая Л., Агапит Д.,
Лайтман Л., Кирилук Т.,
Морозова Е., 2016

© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-89917-3

ДАРЬЯ ДОНЦОВА

*Настоящая
рождественская сказка*

Не хочешь себе зла, не делай людям добра. Лично мне эта поговорка кажется неправильной. Я всегда была уверена, что доброта притягивает к себе хорошее, светлое, а зло, наоборот, темное и липкое. Моя бабушка постоянно поучала маленькую внучку:

— Никогда не делай людям плохого, не злобствуй. Если кто-то тебя обидел, просто уйди, не имей больше дела с этим человеком. Если последуешь моему совету, годам к тридцати обзаведешься настоящими друзьями и поймешь, что злых и гадких людей на свете намного меньше, чем порядочных и добрых.

Я очень любила бабушку и верила ей. Хотя есть среди моих подруг Аня Викулова, в отношении которой народная мудрость права на все сто процентов.

Судьба свела нас в институте, мы оказались в одной группе, и Анька стала списывать у меня домаш-

ние задания по французскому языку. Сначала она мило просила:

— Даша, дай поглядеть, как сделала упражнение. Я не успела, в кино бегала.

Через три месяца Аня сменила тон:

— И где задания? Что ты так поздно приходишь? Осталось пять минут до звонка!

Накануне же летней сессии, когда я не успела написать сочинение на вечную тему «Моя комната», Анька налетела на меня коршуном.

— Безобразие! — орала она. — Теперь из-за тебя «неуд» получи!

Следовало возмутиться, но я по непонятной причине принялась оправдываться и лепетать:

— Не сердись, завтра принесу.

Дружба наша продолжалась и после получения диплома, но была она, как говорил мой первый муж Костик, «в одни ворота». Я сидела с Анькиной дочкой, бегала для нее за продуктами на рынок и прилежно выгуливала собак, которых Викулова просто обожает. Если же в ответ на очередную просьбу о помощи я пыталась сопротивляться, то Анька моментально заявляла:

— Мы же подруги, поэтому обязаны поддерживать друг друга в трудную минуту.

В конце концов я поняла, что превратилась в бесплатную домработницу для Аньки, и хотела уже взбунтоваться, но тут случилась перестройка. Сеня, муж Викуловой, из никому не известного инженера превратился в акулу бизнеса и феерически разбогател. Анька переехала в загородный дом, обзавелась горничными, массажистами, парикмахером, шофером и перестала пользоваться моими услугами. Впро-

чем, психотерапевта у нее нет, сия роль отведена мне. Викуловой ничего не стоит позвонить в три утра и заорать:

— Скорей приезжай, я умираю.

Первое время я терялась, потом поняла, что ничего страшного не происходит, просто Аньке в очередной раз приспичило пожаловаться на Сеню, рассказать, какой он стал невнимательный, злой, грубый. Слезы Аня проливает, сидя в своей шестидесятиметровой спальне на третьем этаже особняка, набитого антикварной мебелью. Носовой платочек у нее стоит, как новенькие «Жигули», а к вискам она прижимает пальцы, унизанные кольцами, продав которые можно накормить всех голодающих в Африке. Мне отчего-то совсем не жаль Викулову, но я выслушиваю ее стоны и пытаюсь вложить в голову подруги одну простую мысль: коли сидеть дома и ни хрена не делать, можно сойти с ума. Надо найти себе какую-нибудь работу.

Понимаете теперь, почему сегодня я, увидев в окошке определителя хорошо знакомый номер, не поторопилась снять трубку? В конце концов, я имею собственные планы и вовсе не обязана мчаться к Викуловой, у которой истерика — единственный способ прогнать скуку!

Но звонок настойчиво орал. В конце концов, вспомнив бабушку, я схватила трубку и мрачно сказала:

— Алло.

— Ой, Даша, — зачастила Катюша, дочь Ани, — у нас такая беда!

— Что случилось? — испугалась я.

В голове мигом завертелся вихрь не самых приятных мыслей. Небось Сеня, постоянно обманываю-

щий государство при заполнении налоговой декларации, попал в лапы правосудия и отправлен в тюрьму, или у него инфаркт...

— Мусик пропал, — зарыдала Катюша.

Я испугалась еще больше. Мусик — это мопс, щенок моего Хуча, мой, так сказать, внук по собачьей линии. Совершенно очаровательное, умильное, толстое существо, закормленное свежей вырезкой и крабами. Несмотря на полную вседозволенность, разрешение спать у хозяйки на голове, развалившись на подушке, заправленной в тысячедолларовую наволочку с ручной вышивкой, и нежные поцелуи хозяина, обнаружившего, что Муся изжевал новый пиджак из последней коллекции Армани, Мусик хороший пес. Он приветлив со всеми, очень любит детей, дружит с кошками, исправно использует в качестве туалета специально отведенный уголок в саду, умеет приносить тапочки и всегда пребывает в веселом настроении. А то, что Мусик со вкусом лопает печенье на бешено дорогом пледе из натурального меха, никак нельзя поставить ему в вину. Мопсу никто не объяснил, что ему это запрещено.

— Как пропал? — закричала я.

— Его нигде нет, — стонала Катя, — мама слегла, папа валокордин пьет. Приезжай скорей!

Я вскочила в машину и понеслась к Викуловым. На дворе была настоящая зима, до Рождества оставалось всего ничего. С неба крупными хлопьями падал снег. Вокруг большого, ярко освещенного дома Ани и Сени стояли сугробы. Пейзаж напоминал сказку про госпожу Метелицу. Бедная девочка на небесах сейчас трясет перину, а землю засыпают белые хлопья.

Зареванная Катя сама распахнула дверь, за ней топтался растерянный Сеня в тренировочном костюме. В прихожей сильно пахло валокордином.

Я вошла и осмотрелась. У милого Мусика есть одна не слишком приятная привычка. Стоит кому-либо войти в холл, как мопс со всех лап несется вниз, причем то, что в дом проник посторонний с улицы, он чует всегда, даже лежа на третьем этаже, в кровати хозяйки, под пятью пуховыми одеялами. Обнаружив человека, Мусик принимается яростно лаять. Только не подумайте, что он хочет укусить или обидеть вошедшего. Нет, Мусик выражает таким образом бешеную радость и подчас не может успокоиться добрых полчаса. Сеня зовет мопса подлым предателем. Когда Викулов возвращается домой поздно ночью, Аня к тому времени уже спит в своей комнате, и муж вовсе не собирается докладывать ей, в какую пору заявился домой. Но Мусик моментально подскакивает и летит встречать Сеню. Естественно, Аня просыпается, смотрит на часы и устраивает загулявшему мужу разбор полетов. Правда, с некоторых пор Сеня нашел «противоядие». Дело в том, что Мусик бежит по лестницам молча, сопя от напряжения. Заливаться счастливым лаем он начинает, лишь увидав человека, поэтому Сеня, входя в дом, держит в руках кусок обожаемого мопсом сыра, граммов этак двести. Едва Мусик раскрывает пасть, как хозяин всовывает туда сырнй кляп и утаскивает пса в баню. Там, словав угощение, Мусик может орать сколько угодно, все звуки разбиваются о толстые стены и двери, лай не проникает даже на первый этаж. Сеня избретателен, как большинство российских мужчин.

Но сейчас радостно лающий Мусик не кружился под ногами.

— Спокойно, — сказала я, — слезами горю не можешь! Нужно обыскать весь дом. Думаю, Мусик куда-нибудь залез, а вылезти не удалось.

— Мусик сразу бы начал орать, — всхлипнула появившаяся в прихожей Аня.

— Вдруг голос подать не может, — решила не сдаваться я и сняла куртку. — В гардеробную ходили? А в топочную к котлам? Насколько я знаю, они сильно гудят, небось воет там Мусик, а вы его и не слышите!

— Все осмотрели, — зарыдала Катюша.

— Значит, начнем поиски заново, — не унывала я.

— Верно, — влезла в наш разговор горничная Леся, — хоть бы трупик найти, чтобы похоронить нормально.

Услыхав ее слова, Катя завывала в голос, Аня в изнеможении рухнула на диван, а Сеня начал материться.

— Леся, — велела я, — ступай на кухню и займись делом, а вы прекратите рыдать и подключайтесь к поискам.

Четыре часа подряд мы лазили по огромному домину. Заглядывали в шкафы, шарили на полках, ползали по закоулкам. Обнаружили массу потерянных ранее вещей и нашли такие места, куда со дня строительства ни разу не шагнула нога человека, но Мусик словно сквозь землю провалился.

— Может, его украли? — растерянно пробормотал Сеня.

— Кто? — взвилась Аня.

— Ну, Ленка, — предположил муж, — твоя подруга взяла моду постоянно сюда шляться! Каждый день заявляется.

Я хотела было возразить, что Ленка Рябцева не любит животных, но тут Аня, уперев кулаки в бока, принялась орать на супруга:

— Моя подруга тебе не угодила! Ходит она сюда часто! А твоя маменька чего таскалась!

— Не смей тревожить память мамы! — взвился Семен.

И началось! Я стояла, вжав голову в плечи. Под потолком повисла брань, ни Анька, ни Сеня не стеснялись в выражениях. Если бы один из моих бывших мужей сказал мне хоть сотую часть того, что сейчас Семен выдал жене, я бы моментально ушла прочь, чтобы никогда не возвращаться. В конце концов Семен завизжал так, что в буфете жалобно зазвенели рюмки.

— Дрянь! Хватит! Больше так жить не могу! Лучше отравиться! Или застрелиться.

На секунду мне стало страшно. Первый раз за долгие годы знакомства я увидела Сеню в таком состоянии. Губы у него тряслись, руки дрожали, щеки сделались фиолетовыми. Беспреданно рыдавшая Катя притихла, горничная Леся, до сих пор слушавшая скандал с разинутым ртом, ужом юркнула в кладовку, но Аня не испугалась.

— Опять роль репетируешь? — прищурилась она. — Совсем заигрался!

Сеня стал багровым. Секунду он молча смотрел на жену, потом со всей силы пнул ногой хлипкий диванчик на паучьих изогнутых ножках. Тот, издав жалобный треск, превратился в набор разнокалиберных деревяшек. Семен пошел вверх по лестнице, Аня фыркнула и убежала в гостиную.

— О какой роли говорила мама? — растерянно спросила я у Кати.

Та вдруг совершенно спокойно ответила:

— Папа взялся продюсировать фильм, боевик, многосерийный. Собрал нас в кабинете и заявил: «Всю жизнь мечтал актером стать, вот теперь представилась возможность!»

— Он в фильме кого-то играет? — Я стала потихоньку «въезжать» в ситуацию.

Катя кивнула:

— Ага. Только, видно, с талантом у папульки задача вышла. Его герой в начале второй серии умирает, застреливается в кабинете! Так что роль невелика, но папенька нас уже до обморока довел! Только с работы явится, тут же требует: «Эй, ну-ка, слушайте! С какой интонацией лучше произносить данную фразу?» И давай шпарить текст! Мы быстро сломались. Одна Света энтузиазм не потеряла.

Я только покачала головой. Свету, родную сестру своей жены, Сеня нежно любит. Пару раз он пытался выдать ее замуж за своих приятелей. Но, увы, ничего у него не вышло. Сеня содержит сестру жены, о чем никогда не напоминает родным. В общем, отношения Сени и Светы нетипичны для дальних родственников.

Удивленная пропажей мопса, я попрощалась с Катей и пошла к машине, припаркованной с внешней стороны забора. Огромный участок Викуловых был завален снегом. Большие сугробы обрамляли дорожки, которые вели от дома к гаражу и калитке. Я медленно брела к автомобилю, вдыхая свежий, пахнущий антоновскими яблоками снег, утрамбованный, он поскрипывал под ногами, небо было усеяно огромными, ослепительно сияющими звездами. Последние годы в России в конце декабря моросят дожди, уж

и не помню, когда у нас стояла такая истинно рождественская погода.

Внезапно накатило воспоминание. Вот я, восьмилетняя девочка, сижу за столом в огромной кухне нашей коммунальной квартиры. Часы показывают почти полночь, мне бы давно пора спать, но бабушка сегодня работает в ночную смену, внучку она, как всегда в таких случаях, оставила с соседкой, тетей Розой Мюллер. Роза Леопольдовна плохо говорит по-русски, она вдова немецкого антифашиста, сгинувшего в сталинских концлагерях. Фрау Мюллер была напугана арестом мужа и тем, что сама по непонятной причине осталась на свободе. На улице Роза Леопольдовна практически не выходит, продукты ей приносит бабушка, а немка, в благодарность, приглядывает за мной и часто поет мне странные песни. «Ich weisse nicht, was soll es bedeuten, das ich so traurig bin...» Обычно тетя Роза трепетно соблюдает режим дня, но сегодня она оставила меня на кухне рисовать, а сама возится у плиты. Часы начинают медленно бить двенадцать раз. Роза Леопольдовна вдруг дрожащим голосом заводит никогда мною ранее не слышанный от нее напев: «Heilige Nacht...» Потом она ставит меня на подоконник и говорит:

— Видишь вон ту звезду? Это она указала путь волхвам. Сегодня Рождество, мое солнышко. Ты знаешь про малютку Христа?

— Нет, — качаю я головой.

Тетя Роза осторожно гладит меня по волосам, потом бормочет:

— О боже! Нет, все же они не правы. Как можно жить без Иисуса! Послушай, расскажу сейчас сказку, но ты, Дашенька, потом ее никому не передавай,

пусть это будет наш секрет. Жил когда-то на свете плотник Иосиф...

— Значит, в Рождество всегда случается чудо? — спросила я, когда Роза Леопольдовна замолкла. — И подарки?

Фрау Мюллер кивает:

— Закрой глаза.

Я повинуюсь приказу.

— А теперь смотри, — произносит старушка через пару секунд.

На столе высится только что испеченный пирог, вернее, медовая коврижка, а рядом сидит невероятной красоты кукла с длинными блестящими волосами. Где тетя Роза, боящаяся выходить на улицу, раздобыла игрушку, я в тот момент не задумалась.

— Солнышко мое, — улыбнулась немка, — запомни, на Рождество всегда случается чудо.

С тех пор прошло много лет, тети Розы давно нет на свете, впрочем, бабушки тоже. До последних дней пожилые женщины нежно дружили, а когда нам наконец-то дали отдельную квартиру, фрау Мюллер переехала жить туда. Как все люди, пережившие сталинские репрессии, и бабушка, и Роза боялись всего. Соседям по новому дому было сказано, что Роза — эстонка, оттого и говорит с сильным акцентом. Но я об этой истории расскажу как-нибудь в другой раз. Бабушка и Роза Леопольдовна похоронены в одной могиле, над ними высится памятник с надписью: «Здесь лежат Афанасия Васильева и Роза Мюллер. Они были подругами при жизни, они остались ими за чертой смерти». Много лет утекло после того вечера, когда я впервые услышала рассказ про малютку Христа, но с тех пор всегда в Рождество жду чуда.

Стряхнув с себя воспоминания, я ускорила шаг. Мороз просунул холодные пальцы под мою куртку. Внезапно глаза наткнулись на кусочек чего-то желтого, лежащего на дорожке. Я нагнулась и подняла комочек. Сыр!

Если бы нечто подобное я обнаружила тут летом, не стала бы удивляться. В теплую погоду Аня любит устраивать пикники на свежем воздухе. Но сейчас зима. В такую погоду мало кто захочет устраивать пикник во дворе!

Я стала внимательно осматривать снег и нашла еще кусочек сыра, чуть поодаль, потом увидела новый желтый комочек. Неожиданно до меня дошло. Некто, хорошо знавший о любви Мусика к сыру, дал мопсу добрый ломоть лакомства, заткнул ему пасть в самом прямом смысле этого слова, а потом понес собаку по тропинке. Мусик пытался сжевать угощение прямо на весу, на снег падали крошки... Но кто и куда поволок домашнего любимца? Я стала оглядываться по сторонам и увидела на дороге небольшой деревянный домик, вернее вагончик.

В начале декабря в столице было совсем тепло, градусник показывал ноль, ничто не предвещало суровых морозов, и Сеня нанял бригаду рабочих, чтобы поставить новый забор.

Но не успели поставить для гастарбайтеров вагончик, как столбик термометра обвалился вниз, и Сеня отложил затею до весны.

Я кинулась к вагончику, распахнула незапертую дверь и вскрикнула. На голом полу, покрытом нестругаными, обледеневшими досками, молча лежало светло-бежевое тельце.

Ноги подкосились, я рухнула возле Мусика и через секунду поняла: мопс жив. Ушки его были холод-